

ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ

ПИСАННЫХЪ НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

=

(Языкъ, называемый обыкновенно малороссійскимъ,) которыми говорятъ въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Галицкомъ Королевствѣ, не есть нарѣчіе языка русскаго, образовавшагося въ послѣднее время; онъ существовалъ издавна и теперь существуетъ, какъ нарѣчіе славянскаго корня, занимающее по своему грамматическому и лексическому устройству средину между восточными и западными нарѣчіями огромнаго славянскаго племени, нарѣчіе правильное, богатое, гармоническое и способное къ развитію литературной образованности.) Но едва ли доказательства на все это нужны въ наше время, когда понятія о славянской филологіи довольно ясны, чтобы избавить читателя отъ скуки слушать подтвержденіе извѣстныхъ истинъ, въ которыхъ никакой просвѣщенный человѣкъ сомнѣваться не будетъ.

Но можетъ быть спросить: гдѣ же прежняя малороссійская литература? ибо если существовалъ народъ, то какъ можно, чтобы языкъ его оставался во-все безъ письменности? Но спросимъ прежде: была ли въ сѣверной Руси великороссійская литература? А между тѣмъ языкъ этой половины нашего отечества такъ же древень, какъ

и южной. Письменность къ намъ переншла вмѣстѣ съ С. Писаніемъ, и потому первыя сочиненія наши были духовныя, и, слѣдовательно, на славено-церковномъ языкѣ, употреблявшемся при Богослуженіи. Потомъ, мало-по-малу, съ развитіемъ общественной и политической жизни явилась необходимость въ другихъ родахъ письменности; но такъ какъ только славяно-церковный языкъ былъ приготовленъ къ этому, то онъ послужилъ матеріаломъ и для свѣтской общественной письменности, съ тѣмъ различіемъ, что въ него начали входить слова, выраженія и обороты языка народнаго. Но вотъ Россія раздѣлилась; западная и восточная часть ея начали жить особою другъ отъ друга жизнію; образовалось два письменныхъ языка: въ одной изъ смѣшенія славяно-церковнаго языка съ великороссійскимъ, а въ другой изъ смѣшенія того же языка съ малороссійскимъ или южно-русскимъ нарѣчіемъ. Въ Малой какъ и въ Великой Руси была своя литература, свой книжный языкъ, на которомъ почти всѣ писали, но едва ли кто говорилъ; — много сочиненій, и политическихъ, и дѣловыхъ и, наконецъ, ученыхъ, было писано на этомъ языкѣ, много переводилось на него изъ другихъ языковъ; иное издано; большая часть поконится непробуднымъ сномъ въ библіотекахъ.

Этотъ языкъ, извѣстный подъ именемъ руського, много имѣлъ вліянія на образованіе нашего языка высшаго общества и литературы: извѣстно, что Ломоносовъ учился по грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго и выучилъ наизусть Псалтырь переложенный въ стихи, Семеона Полоцкого. Руській языкъ былъ гораздо обработаннѣе, нежели письменный языкъ Великой Россіи; на немъ было писано мно-

го книгъ, въ которыхъ нуждались и въ Москвѣ; притомъ же, лучшіе проповѣдники наши первой половины XVIII вѣка были Малороссіяне, и хотя старались писать по русски, или по словенски, но не могли не вносить въ свои сочиненія элементовъ роднаго слова. При сильнѣйшемъ наплывѣ иностраннаго просвѣщенія, языкъ нашъ измѣнялся, принималъ другія формы, составились новыя грамматики; старинные обороты греческіе, латинскіе, польскіе, уступали мѣсто французскимъ и нѣмецкимъ; выступила литература новая, носившая на себѣ слѣды вліянія Европейской образованности; вкусъ утончался; публика возымѣла потребность въ чтеніи легкомъ, служащемъ къ удовольствію; явились романы, повѣсти, театральныя сочиненія. Въмѣстѣ съ Европейскимъ просвѣщеніемъ развивалась у насъ столичная жизнь: въ столицахъ сосредоточивались и просвѣщеніе, и науки, и литература, тамъ было горнило языка. Русскій языкъ ушелъ въ западныя губерніи, бывшія еще подъ властію Польши, и, гонимый въ обществѣ, доживалъ вѣкъ въ семинаріяхъ и училищахъ.

Съ возвращеніемъ Россіи западныхъ и южныхъ ея областей, русскій языкъ сталъ уже не нужнымъ; былъ другой общій языкъ: основаніемъ его взяты нарѣчія славено-церковное и великорусское, а образованъ онъ былъ по по вѣсьмъ возможнымъ иностраннымъ формамъ: и латинскимъ, и нѣмецкимъ, и французскимъ. . . . во всякомъ народномъ духѣ являлись у насъ сочиненія, исключая своего; такъ какъ и въ высшихъ обществахъ были въ модѣ попеременно всякіе языки, исключая русскаго.

Когда въ Европѣ явилась идея народности, подражательность уступала оригинальности, а школьность таланту;

Русскіе, хватая съ жадностію все, что ни попадалось подъ руку, усвоили себѣ и эту идею и нашли у себя богатые силы для осуществленія ея; мы начали стыдиться своего равнодушія къ отечественному и безотчетной привязанности къ чужестраннему; мы увидѣли, что, не смотря на огромное количество книгъ, у насъ нѣтъ литературы, и обратились къ собственному источнику національности и народности. Измѣнялся вкусъ; измѣнялся и языкъ. Чужестраннія формы, которыя наложены были на наше родное слово превратными понятіями объ изящномъ, уступали роднымъ формамъ народнаго языка великороссійскаго, облагороженнаго просвѣщеніемъ, науками и употребленіемъ въ высшемъ обществѣ. Измѣнялась и литература. Главное стремленіе ея было не къ подражанію иностранному, но къ своенародности. Въ такомъ преобразованіи должны были, повидимому, участвовать только одни великороссіане, а между тѣмъ вся Россія, богатая другими элементами, имѣла въ него право: ближайшее принадлежаю Малороссіанамъ, какъ народу многочисленному и единому по вѣрѣ и племени съ Великороссіанами. Но народность Малороссіи есть особенная, отличная отъ народности Великороссійской; Малороссіане во-все или не должны были касаться литературы, или же усвоить себѣ народность Великороссійскую. Несправедливость того и другаго мнѣнія, если бы кто имѣлъ несчастіе защищать ихъ, очевидна сама собою. Благодаря самодержавію и единовластію, у насъ не могутъ разныя противныя идеи управлять общественными мнѣніями, какъ-бы оно ни было разнообразно; у насъ необходимо должно быть одно стремленіе: если какая-нибудь идея въ извѣстномъ отдѣлѣ нашей цивилиза-

ція брошена въ одномъ углу государства, не возможно, чтобъ она не проникла въ самые отдаленные. Теперь идея народности оживила нашу литературу: и читающая публика и писатели почитаютъ народность главнымъ достоинствомъ всякаго сочиненія по изящной словесности. Но какъ могъ явиться на поприщѣ изящной литературы Малороссіянинъ, получившій первыя впечатлѣнія въ Малороссіи, лепетавшій, можетъ быть, первыя слова на родномъ своемъ языкѣ? Не иначе какъ съ своею малороссійскою народностію, съ своимъ народнымъ нарѣчіемъ. Многіе изъ Малороссіянъ чувствовали, что на русскомъ языкѣ нельзя того выразить, что можно на малороссійскомъ, и потому начали употреблять свое родное слово. И въ самомъ дѣлѣ: они правы. Конечно, Гоголь въ своихъ высокихъ созданіяхъ много выразилъ изъ малороссійскаго быта на прекрасномъ русскомъ языкѣ, но надобно сознаться: знатоки говорятъ, что многое тоже самое, будь оно на природномъ языкѣ, было бы лучше. Притомъ, много найдется талантливыхъ людей, которые, по обстоятельствамъ жизни, такъ сроднились съ малороссійскимъ языкомъ, что еслибъ они начали писать по русски, то писали бы худо, а по малороссійски сочиненія ихъ читались бы соотечественниками съ большимъ удовольствіемъ.

И такъ, идея народности, подвинувшая впередъ русскую литературу, произвела въ ней особенный отдѣлъ—литературу малороссійскую, которая, по направленію своему, есть чисто русская, своенародная. Многіе изъ современныхъ рецензентовъ называютъ это стремленіе писать по малороссійски непонятною прихотью, но думаютъ неосновательно: оно есть потребность времени, потому что исходитъ изъ того начала, которое оживляетъ настоящее общество.

Малороссійскій народный языкъ до того времени почти не имѣлъ письменныхъ памятниковъ, какъ и всякое народное слово до появленія идеи народности; но, за то, этотъ языкъ тайно хранилъ въ себѣ богатая сокровища поэзіи—народныя пѣсни и сказки. Долго никому до нихъ не было дѣла; только въ послѣднее время обратили на нихъ вниманіе. Сказокъ у насъ никто не издавалъ; пѣсень существуютъ четыре собранія: князя Цертелева, 1-е и 2-е изд. Максимовича, Запорожская Старина Срезневскаго и Малороссійскія и Червонорусскія Думы и Пѣсни, С. п. б. 1836 г. Къ этимъ надобно причислить собранія, являвшіяся въ Галиціи; изъ нихъ извѣстны мнѣ собранія Вацлава зъ Олеска, Жеготы Паули и Лозинскаго Сватѣба Русская (Ruśkoe wesile). Галичане переписывали насъ полнотою и точносію своихъ изданій. Изъ русскихъ собраній только Запорожская Старина имѣетъ видъ какой-нибудь полноты. Г. Срезневскій имѣлъ цѣлю собрать однѣ историческія пѣсни, и издалъ съ замѣчаніями, очень дѣльными и учеными; собраніе князя Цертелева ограничивается только семью думами; въ 1-мъ изд. Максимовича помѣщено только 130 пѣсень; во 2-мъ есть замѣчательныя бытовья,—но прекрасное предпріятіе его остановилось; издатель Мал. и Червонорусскихъ Думъ и Пѣсень оказалъ услугу любителямъ народности сохраненіемъ многихъ важныхъ историческихъ пѣсень, изъ которыхъ одна изумительна по своей величинѣ и эстетическому достоинству. Вотъ и все. Тысячи драгоцѣнныхъ памятниковъ народной поэзіи еще не изданы и вовсе не извѣстны. Ждутъ ихъ изданія отъ Бодянскаго, Метлинскаго и другихъ.

Но малороссійскія сочиненія появились гораздо прежде, нежели изданія пѣсень. Уже въ 1808 г. было второе изда-

ніе Энеиды, перелицованной на малороссійскій языкъ И. Котляревскимъ. Онъ первый началъ писать по малороссійски (*).

Во время упадка классицизма и вторженія въ европейскія литературы романтическихъ идей, вкусъ общества портился и принялъ самое странное направленіе: не смѣли разстаться съ вѣрою въ завѣтные предразсудки, не смѣли принять формъ новаго рода, казавшихся еще дикими,—смѣялись надъ тѣмъ и другимъ: плодомъ такой нерышительности явился особенный родъ сочиненій—пародіи. Писатель бралъ предметы классическіе, одѣвалъ ихъ въ романтическую одежду, и такимъ нескладнымъ нарядомъ смѣшилъ публику. Многія изъ безсмертныхъ твореній древности испытывали горькую чашу пародій: въ числѣ ихъ была Энеида Виргилія. Перелицованныхъ Энеидъ вездѣ было довольно количество. И къ намъ, на святую Русь, забрело это направленіе, забрело такъ, какъ обыкновенно и другія идеи заходили къ намъ. У насъ начали писать пародіи—не угодно ли прочесть Осипова? но Котляревскій насмѣшилъ лучше.

Умный, смѣтливый человекъ сей-часъ отгадалъ, чѣмъ можно позабавить публику, которая, если не пресытилась классицизмомъ, то, по-крайней мѣрѣ, дремала за толстыми книгами въ 12 пѣсняхъ и драмами съ тремя единствами. Котляревскій взялъ Энеиду для пародіи и выбралъ для ней такую форму, которая въ самомъ дѣлѣ могла удовлетворить желанію позабавиться надъ книгою. Чего лучше?

Кто писалъ до него, и что написано, это пока остается нетронутымъ вопросомъ.

Малороссійскій языкъ—самая романтическая форма; Энеида—самое классическое содержаніе. Вотъ и явилась Энеида въ малороссійской одеждѣ: троянскій герой сталъ моторный парубокъ; Юнона—суча дочка роскождакта-лась якъ квочка; Зевесъ лигавъ вишнівку, маківниками зайдавъ, и Нептунъ сидівъ надъ водою, изморицившись, старый шкарбунъ. Всѣ читали Энеиду, даже и тѣ, которые не сознавались въ томъ, вмѣняя въ стыдъ читать на такомъ нарѣчій, какимъ говорить ихъ конюхи. Этому-то смѣшному обязана Энеида своимъ успѣхомъ. Что жъ такое Энеида Котляревскаго сама-по-себѣ, безъотносительно къ тогдашнему обществу? Пародія выполнена прекрасно, но время пародій уже прошло: романтическая форма стала намъ не чужда, а классическому содержанію мы возвратили должное уваженіе. Но истинный талантъ, въ какомъ бы видѣ не явился, не можетъ не показать своихъ достоинствъ; пусть сочиненіе его будетъ искажено, недокончено—все оно будетъ носить на себѣ отпечатокъ души творца, все-таки въ немъ найдете такую сторону, съ которой если взглянете, то невольно скажете: сочиненіе хорошо. Энеида, какъ пародія, потеряла для насъ свою цѣну; но таже самая Энеида, какъ вѣрная картина малороссійскаго быта, какъ первое сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ, въ глазахъ нашихъ—драгоценное твореніе: мы видимъ въ ней такія достоинства, которыя были скрыты отъ современныхъ читателей.

Энеида, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, имѣетъ для насъ три неотъемлемыя достоинства. Во первыхъ, мы видимъ въ ней, какъ я сказалъ выше, вѣрную картину малороссійской жизни. Авторъ зналъ хорошо Малороссію.

жилъ въ ней и съ нею, пользовался всѣмъ, что было у него предъ глазами. Характеры его боговъ и героевъ истинно малороссійскіе въ малѣйшихъ ихъ пріемахъ. Во вторыхъ, она драгоценна для насъ по неподражаемому юмору, съ которымъ авторъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа. Стоитъ только вспомнить описаніе ада—всѣ грѣшники носятъ на себѣ черты малороссійскія и даже осуждены на муки, которыя только придутъ въ голову малороссіянину. Въ третьихъ, языкъ его, правильный, блестящій, народный въ высочайшей степени, останется самымъ лучшимъ памятникомъ. И надобно сознаться, что едвали у кого онъ достигаетъ такой игривости и непринужденности, хотя чуждый малороссійскому языку четырехстопный ямбъ, въ которой онъ заковалъ свою пародію, очень мѣшалъ его легкости.

Что касается до тривіальностей, соблазнительныхъ сценъ и нѣкоторыхъ отвратительныхъ описаній, которыхъ, къ сожалѣнію, много у Котляревскаго, то онъ суть плодъ ложнаго понятія о смѣшномъ: тогда думали что все отвратительное можетъ забавлять.

✓ Опера Наталка Полтавка есть опытъ Котляревскаго въ другомъ родѣ: сочинитель хотѣлъ представить здѣсь семейный бытъ Малороссіянь, нѣжное сердце малороссійской дѣвушки; піеса пріобрѣла сочувствіе въ читателяхъ. Наталка представляема была столько разъ на сценѣ; всѣ слушали ее съ участіемъ, — и до сихъ поръ она любимое сочиненіе Малороссіянь, не смотря на то, что содержаніе ея отзывается устарѣлою сентиментальностію прошлаго вѣка.

Стихотворенія Артемовскаго-Гулака, пріобрѣтшія такую извѣстность, написаны, исключая перевода Гетева Рыбака, въ пародическомъ духѣ, подобно Энеидѣ Котляревскаго. Необыкновенная легкость и правильность языка, свобода въ выраженіяхъ и непринужденный комизмъ обличаютъ въ сочинителя высокой талантъ, отъ котораго можно было бы ожидать драгоценныхъ плодовъ . . . лучшее изъ его твореній—это *Панъ та Собака*, сказка, которая, въ ряду апологическихъ твореній русской литературы, занимаетъ почетное мѣсто.

Впрочемъ для многихъ не столько было забавно содержаніе сочиненій Котляревскаго и Артемовскаго, сколько слова, выговоръ, обороты малороссійскаго языка. Но пришла наконецъ пора получить вѣрнѣйшее понятіе о славянской филологіи. Гребенка первый (*) отошелъ отъ прежняго пародическаго направленія: этотъ даровитый писатель, сознавая, что слово, которымъ потынали публику Котляревскій и Артемовскій, вовсе не искаженное нарѣчіе русскаго языка, а языкъ данный судьбою въ удѣлъ 12 мил. народа, хотѣлъ въ своихъ сочиненіяхъ показать способность его къ развитію и богатство. Перевести *Полтаву* Пушкина на малороссійскій языкъ—идея смѣлая, приносящая честь тому, кто первый счелъ языкъ способнымъ къ этому. Какъ многіе первые опыты даровитыхъ писателей—переводъ, правду сказать, не удался: но во всякомъ случаѣ, цѣнители малороссійскаго слова всегда будутъ благодарны писателю за то, что онъ показывалъ его достоинство и проложилъ дорогу другимъ. Не его *Приказки* всегда прочтутся съ наслажденіемъ: авторъ

(*) Кажется, не Гребенка, а Боровиковскій въ своихъ балладахъ. *Примѣчаніе Корректора.*

явился въ нихъ не пародистомъ, не насмѣшникомъ надъ малороссійскою народностію и словомъ, но малороссійскимъ баснописцемъ, и превосходно показалъ способность малороссійскаго языка къ апологическимъ сочиненіямъ.

(X Безъ всякаго сомнѣнія, честь возведенія роднаго слова на высшую степень развитія, — смѣю сказать, честь созданія малороссійской литературы принадлежитъ писателю, скрывавшему себя подъ вымышленнымъ именемъ Основьяненка.) Далекій отъ того, чтобы принимать языкъ малороссійскій за орудіе къ возбужденію смѣха, (этотъ талантливый писатель въ многочисленныхъ своихъ твореніяхъ имѣлъ задачею изобразить домашнюю жизнь малороссійскаго народа) въ извѣстныхъ ея проявленіяхъ. (Нравственная цѣль, обиліе чувства безъ сентиментальности, непринужденный комизмъ безъ притязаній на искусство смѣшить и увлекательность разсказа поставили его въ глазахъ образованной публики въ числѣ отличныхъ писателей, а вѣрное изображеніе народнаго быта, живость и естественность характеровъ пріобрѣли ему любовь соотечественниковъ, увидѣвшихъ въ первый разъ свое собственное въ литературѣ, изображенное по-своему, своимъ тономъ.) Лучшая похвала Основьяненку съ этой стороны состоитъ въ томъ, что даже тѣ, которые ничего не читаютъ, принялись съ удовольствіемъ за его повѣсти; но всѣмъ этимъ не ограничиваются его литературныя заслуги: человекъ, имѣющій высшій взглядъ на изящное, откроетъ (въ его сочиненіяхъ неотъемлемыя достоинства: въ основаніи почти каждаго изъ нихъ лежитъ идея глубокая, человѣческая, прекрасно развитая въ извѣстной формѣ проявленій нравственнаго міра разумныхъ существъ.) Такія сочиненія, гдѣ бы они

ни были, должны быть включимы въ число отличныхъ твореній. Тѣмъ замѣчательнѣе онѣ кажутся при малороссійскомъ элементѣ, еще мало разработанномъ, на малороссійскомъ языкѣ, на которомъ не было ничего написано, кромѣ двухъ-трехъ пародій. (Литература) считающая въ себѣ такія творенія, не можетъ быть ничтожною: (при маломъ количествѣ своихъ произведеній она счастлива, если можетъ похвалиться такими, въ которыхъ видно не какое-нибудь подражаніе чужому, не иностранныя чуждыя идеи, одѣтыя въ искаженную форму, не жалкая всеобщность, мысли всѣмъ извѣстныя, выраженные образами всѣмъ извѣстными, но истинное изображеніе своего, роднаго, со всѣмъ отпечаткомъ національнаго характера.)

(Многіе поставляли главнѣйшимъ достоинствомъ сочиненій Основьяненка комизмъ; но, по моему мнѣнію, это второстепенныя качества предъ неисчерпаемымъ родникомъ чувства.) Обращаясь къ тѣмъ, которымъ извѣстна малороссійская народная поэзія. Они знаютъ, какое важное мѣсто занимаетъ въ ряду достоинствъ этой дѣвственной поэзіи глубокое чувство; въ какой степени этотъ истинный источникъ всего благороднаго, изящнаго наполняетъ очаровательныя созданія украинской музы. (Но это чувство является въ пѣсняхъ отдѣльно, отрывисто, кромѣ нѣкоторыхъ романсовъ, удивительныхъ по своей художественности: оно все въ лирическихъ пѣснопѣніяхъ, болѣею частію въ рапсодахъ, отрывкахъ, проявляется мгновенно, вспыхиваетъ сильно, но не продолжительно. Это движеніе сердца, звуки, издаваемые струнами его, аккорды согласные, плѣнительные, не исчезающіе въ воздухъ: отголосокъ ихъ остается только въ сердцѣ; умомъ вы не

поймете его, потому что въ немъ нѣтъ мыслей, — въ немъ есть чувство, доступное единственно сердцу, хранилищу чувствъ. Оно не осязаемо, не видимо, не уловимо: облеките его въ форму, соедините съ мыслию, назначьте ему пространство и время, обставьте его тѣми картинами, при которыхъ оно будетъ понятно, сообщите его тѣмъ характерамъ, которые могутъ вмѣщать его, — и неясное сдѣлается яснымъ: вы его увидите въ образахъ; вы поймете то, что прежде только чувствовали; доступное сердцу станетъ понятно ему; красота первобытной поэзіи для васъ не потеряется; вы тогда можете дать отчетъ себѣ въ томъ, что васъ занимаетъ, къ чему вы влечетесь: оно вполне ваше, потому что все ваше существо проникнуто имъ.)

Писатель воспринимаетъ переданное ему народомъ и возвращаетъ ему отъ него взятое полнымъ и сознательнымъ; неправильнымъ, отрывистымъ частицамъ сообщаетъ цѣлость, собираетъ разсыпанные перлы и создаетъ изъ нихъ художественныя ожерелья. Съ этой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на Основьяненка въ его прекрасныхъ повѣстяхъ, гдѣ наиболѣе проявляется эта существенная жизнь Малороссіи, вся полная чувства, дышащая ея дѣвственнымъ воздухомъ. По-крайней мѣрѣ, такое выраженіе имѣютъ четыре лучшія его повѣсти на малороссійскомъ языкѣ: Маруся, Козырь Дівка, Щира Любовь и Оксана: изображенія женскаго малороссійскаго сердца, представленнаго подъ разными обстоятельствами жизни и въ разныхъ характерахъ. Отлагая въ сторону всѣ впечатлѣнія, какія эти повѣсти могутъ произвести на читателя, который въ нихъ видитъ идиллическій міръ настоящаго времени, мы взгля-

немъ, что выражаютъ они, какъ собственно малороссійскія произведенія.

Идея любви, общая и священная человечеству, основаніе истинно-нравственнаго, а слѣдовательно и истинно-изящнаго, является въ различныхъ видахъ, обусловливаемая, между-прочимъ, степенью образованности и историческою жизнію народа. Въ народѣ юномъ, но просвѣтленномъ религіею и стоящемъ на извѣстной степени нравственнаго развитія, она проста, наивна, не удаляется отъ чувственности, но облагораживаетъ ее; чувство, обладающее существомъ, не подавляетъ его, но направляетъ къ дѣятельности. Малороссія, по степени образованія своего, страна дѣвственная, юная, по жизни же исторической она испытала слишкомъ много, выполнила назначенное ей отъ провидѣнія, и одряхлѣла . . . . древняя жизнь умираетъ въ ней, а новая только начинаетъ проявляться. Два характера отличаютъ ее настоящее положеніе.)

Малороссійская женщина, осужденная въ теченіе двухъ вѣковъ на мгновенную радость, на минутные пламенные восторги, а потомъ на горькую, часто досмертную тоску, окованная въ своихъ желаніяхъ непреодолимою судьбою, получила себѣ въ удѣлъ наклонность къ мечтательности, отъняющей ее даже въ минуты полного наслажденія своимъ бытіемъ. Чувства обладаютъ ее существомъ, въ страсти она не предается порывамъ необузданнаго восторга, но хочетъ чувствовать эту радость; печаль ея есть чувствительное созерцаніе, которое въ области сердца тоже, что въ области ума ясное сознаніе. Этотъ характеръ переходилъ изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери, и до сихъ поръ сохраняется. Но, между-тѣмъ, эта мечтатель-

ность, плодъ тѣхъ несчастныхъ часовъ, когда женщина, едва расцвѣтшая, тосковала въ горькомъ одиночествѣ, тщетно призывая милыхъ сердцу изъ дальней могилы, теперь ~~слилась~~ уже съ другимъ элементомъ, чувствомъ семейнымъ. Протекли буйныя времена, исчезли бѣдствія, народъ началъ свѣкаться съ жизнью мирною, семейною, и женщина уже познала миръ души, счастье тихой жизни. Но печать прежняго остается на ней,—и потому, съ одной стороны, любовь Малороссійки носить на себѣ отпечатокъ мечтательности, проникнута глубокимъ чувствомъ, часто убивающимъ нѣжное существо, немогущее преодолѣть препятствій, которыя завистливая судьба составляетъ между ею и любимымъ предметомъ; — съ другой стороны, согласуясь съ духомъ времени, она не въ состояніи ограничиваться одною сферою внутренняго чувства; это чувство пробуждаетъ всѣ другія способности души и направляетъ ихъ къ дѣятельности. Типомъ перваго характера можетъ служить Маруся. Быть можетъ, для нѣкоторыхъ она покажется просто идилліею въ родѣ Геснера; нѣтъ, основаніе повѣсти истинно народное.

Маруся совершенно возможна въ Малороссіи. (Скромная деревенская дѣвушка, воспитанная подъ надзоромъ простыхъ, но благочестивыхъ родителей, получившая съ рожденія томный и мечтательный нравъ, развившійся, какъ видно, чрезъ отчужденіе отъ подругъ и любовь къ домашнимъ занятіямъ, увидѣла на чужой сватбѣ парубка, который ей понравился. Но такъ-какъ у сердецъ мечтательныхъ мгновеннаго чувства не бываетъ, то эта любовь превратилась скоро въ тихую страсть. Вотъ они познакомились, сблизились: судьба поставила имъ препятствіе: страсть

сильнѣе развилась, сердце начало таять, — опять сблизилась, — счастье имъ улыбнулось; но вотъ опять разлука: — Маруся, въ которой томное, снѣдающее чувство развилось до высокой степени, не устояла; воля ея была слишкомъ слаба, міръ, окружающій ея, уже давно сталъ ей чуждъ, хотя она, по-видимому, жила для него, — Маруся истлѣла медленнымъ огнемъ, который при мечтательномъ настроѣннѣ духа сожигаетъ свою жертву непримѣтно. Эта столь поэтическая Маруся ничуть не идеаль: она обыкновенна въ бытѣ малороссійскомъ; вы можете много увидѣть такихъ Марусь и, можетъ быть, ни одной не узнаете. Когда послѣ разлуки съ любезнымъ вся душа ея таетъ въ тихой страсти, когда вся жизнь ея сосредоточивается въ воспоминаніяхъ о незабвенныхъ минутахъ, проведенныхъ съ нимъ, — она занимается домашними работами: прядетъ, шьетъ, еще прилежнѣе, чѣмъ прежде, — и только изъ того, что чуждается брака и убѣгаетъ веселости, вы можете замѣтить, что ея сердце не свободно; но до какой степени связываютъ ее узы страсти — этого вы не узнаете. Самая кончина ея для посторонняго взора представляется обыкновенною — дѣвушка простудилась, получила горячку и умерла. Но авторъ раскрылъ предъ вами ея душу, ввелъ васъ въ таинственный міръ, и вы изумляетесь обилію неисчерпаемаго чувства, которое было отъ васъ закрыто, и вы смотрите на нее съ другой точки зрѣнія. Что же это такое? это чувство, напомиравшее бѣдное сердце поселанки и убившее ея своимъ обиліемъ: вотъ малороссійская поэзія! Маруся, будучи ежедневнымъ явленіемъ, типомъ обыкновенной Малороссійанки, есть вмѣстѣ существо прекрасное. Авторъ низвелъ васъ въ свой буколическій міръ для того,

чтобъ показать всю его прелесть и изящество. А откуда это изящество характера Маруси? оно истекаетъ изъ глубины характера Малороссійской націи и понятно изъ ея исторической жизни. Маруся—это Малороссіянка древняго вѣка, живущая въ новомъ.

Необходимыя для обрисовки характеровъ дѣйствующихъ лицъ описанія и сцены того быта, въ которомъ дѣйствуютъ они, выполнены очень удачно. Авторъ избралъ лучшіе поэтическіе моменты малороссійской жизни и представилъ ихъ въ привлекательномъ видѣ: трогательное описаніе погребенія несчастной жертвы чувствъ прекрасно въ высшей степени, и поясняетъ самую душу Маруси, становится ея возможною въ томъ родѣ, котораго обряды и обычаи проникнуты до такой степени глубокою мечтательностію.

Но, при всемъ превосходномъ изображеніи характера Маруси, при всѣхъ прекрасныхъ описаніяхъ, трогательныхъ и увлекательныхъ сценахъ, — однимъ словомъ, при всѣхъ неотъемлемыхъ ея достоинствахъ, мы должны замѣтить, что она имѣетъ большіе недостатки. Характеръ Василя не ясенъ и даже не естественъ; въ немъ не видно такого простодушнаго чувства, какъ въ Маруси, — онъ сентименталенъ, и самое удаленіе его въ монастырь не производитъ сильнаго эффекта. Характеры Наума, отца Маруси, и матери ея тоже не отличаются рѣзкими чертами. Въ отдѣлкѣ нѣтъ художественности: иное растянuto, другое не досказано.

Козырь Дівка знакомитъ васъ съ другою стороною женскаго малороссійскаго міра; здѣсь тоже народное чувство, но уже при другихъ явленіяхъ и въ другомъ характерѣ.

Оно не исчезаетъ въ мечтательности, и душа, наполненная имъ не дѣлается преждевременною его жертвою; напротивъ, чѣмъ болѣе оно объемлетъ ее, тѣмъ сильнѣе побуждаетъ къ дѣятельности, и ведетъ не къ смерти и разрушенію, но къ жизни. Ивга такая же чистая Малороссіянка, но совершенно противоположная Маруси. Она любитъ своего Левка, какъ Маруся своего Василя, а встрѣчасть гораздо большія препятствія и лишенія. Въмѣстѣ съ каждымъ изъ нихъ, усиливается ея чувство; но за то, чѣмъ сильнѣе искушается ея судьба, тѣмъ готовѣе она побѣдить всѣ эти искушенія. Для достиженія цѣли, указанной ей чувствомъ, она бросается въ другую сферу, совершенно ей незнакомую, и любовь, руководившая ее, остается навсегда въ ея сердцѣ, помирившись съ жизнію. Вы видите здѣсь торжество воли, — не думайте искать источника въ разумъ, — ищите его въ сердцѣ: Ивга предается его влеченію, и оно-то окрыляетъ ея волю и доводитъ до края желаній. Если Маруся можетъ служить типомъ Малороссіянки, подъ вліяніемъ судьбы, то Ивга есть таже Малороссіянка въ нормальномъ состояніи, то есть такова, какою ей быть должно при ея характерѣ, при свободномъ развитіи ея способностей: Маруся представлена авторомъ въ болѣзненномъ состояніи, хотя и естественно; но это потому, что на той націи, въ которой она живетъ, лежитъ отпечатокъ болѣзненной дряхлости, — это дѣвушка доживающей Малороссіи; — Ивга дитя свѣжей жизни, процвѣтшей уже на обновленной почвѣ, которую питали прежнія стихіи, но освѣщало солнце возрожденія.

Повѣсть Козырѣ Дѣвка по отдѣлкѣ гораздо лучше Маруси; здѣсь не страдаетъ художественность, соблюдена сораз-

мѣрность въ частяхъ, и все на своемъ мѣстѣ. Читатель увидитъ здѣсь вѣрную картину нравовъ различныхъ сословій Малороссіи, начертанную съ истиннымъ юморомъ, и тѣмъ избавляется отъ монотонности, неизбежной тамъ, гдѣ хотѣть заставить или плакать, или смѣяться отъ начала до конца піесы.

Представивъ въ двухъ повѣстяхъ характеръ Малороссіянки въ жизни созерцательной и практической, г. Основьяненко въ своей повѣсти *Щира Любовь* (Вотъ Любовь) показываетъ вамъ самое высокое развитіе малороссійскаго чувства. Если Маруся есть изображеніе древняго вѣка, исчезающаго въ новомъ, если въ Ивгѣ глубокое чувство, овладѣвшее всѣмъ составомъ женщины, вводитъ ее въ сферу практической жизни, то въ Галочкѣ оба эти элемента сливаются: мечтательность въ ней развита еще живѣе, чѣмъ въ Марусѣ, за то и воля въ ней дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ въ Ивгѣ. Чувство, обладающее Ивгою, устремляетъ ее къ боренію съ препятствіями, поставленными судьбою, къ достиженію цѣли посреди житейскаго волненія; въ Галочкѣ это чувство служитъ источникомъ борьбы, происшедшей во внутреннемъ мірѣ. И Маруся, и Ивга суть типы извѣстныхъ малороссійскихъ лицъ съ ихъ главными побужденіями: Маруся женщина обыкновенная, черты ея—томность, нѣжность и слабость вы найдете повсюду, даже всю исторію ея можете услышать вездѣ; Ивга дѣлается возможною по мѣрѣ того, какъ новая жизнь замѣняетъ старую: народъ становится на высшую степень общности, слѣдовательно, дѣятельность будетъ плодомъ всѣхъ побужденій;—Галочка всегда идеаль, показывающій высокое нравственное совершенство, до ка-

кого можетъ довести глубокое чувство при здоровомъ состояніи другихъ способностей. Но надобно сознаться, что для повѣсти *Щира Любовь* не достаеъ еще много, не смотря на прекрасныя описанія и трогательныя сцены, показывающія въ авторѣ высокій талантъ. Чувства доходятъ иногда до сентиментальности, напоминающей романы прошлаго вѣка; характеръ офицера не ясенъ, сама Галочка не вездѣ понятна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она говоритъ такъ, какъ будто бы слушала университетскія лекціи.

По моему мнѣнію, эти три піессы, вмѣстѣ съ *Оксаною*, которая можетъ служить какъ бы дополненіемъ изображенія малороссійской женщины, *Ложными Понятіями* и *Панною Сотниковною*, писанными по русски, суть лучшія произведенія Основьяненка. Но талантъ нигдѣ не оставляетъ его. Повѣсть: *Отъ тобѣ шкарбѣ* имѣетъ большое достоинство, какъ изображеніе народныхъ вѣрованій, и замѣчательна по своему юмору и богатому описанію. *Салдатскій портретъ* есть художественный эскизъ изъ малороссійскаго быта. Не менѣе замѣчательна по своему комизму опера *Сватанье на Гончаровкѣ*, доказывающая, что авторъ можетъ быть и драматическимъ писателемъ. Не лишнимъ считаемъ выставить здѣсь списокъ сочиненій Г. Основьяненка (*).

(*) А. Малороссійскія повѣсти, (2 части; издан. въ Харьк.).

1. Салдатскій Портретъ.
2. Праздникъ Мертвецовъ.
3. Дѣлай добро и тебѣ будетъ добро.
4. Конотопская вѣдьма.
5. Вотъ тебѣ и кладъ.

Переводы помѣщены въ період. изданіяхъ: въ *Современникѣ* и др.

6. Божія дѣти (въ Утр. Зарѣ).

См. 779
и 785.

Произведенія Шевченка, изданныя въ отдѣльной книжкѣ подъ названіемъ *Кобзарь*, показываютъ въ авторѣ необыкновенное дарованіе. Онъ не только наитанъ народною малороссійскою поэзіею, но совершенно овладѣлъ ею, подчинилъ ее себѣ и далъ ей изящную, образованную форму. Черты въ изображаемыхъ имъ лицахъ—*Катерина*, *Кобзарь*, *Перебендя* суть тѣ самыя, которыя намъ представляетъ природа; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ заключается поэзія общая, понятная всякому. Чувство поэта отличается характеромъ томнымъ, унылымъ; онъ принимаетъ близко къ сердцу прежнюю судьбу народа,—но это тоска вовсе не изученная — это цѣлый народъ, говорящій устами своего поэта: душа его сознала сочувствіе

-
7. Перекотиполе (въ Молодикѣ).	
8. Вотъ любовь (въ Современѣ).	
9. Панна Сотниковна.	
10. Ложныя понятія.	} На русск. языкъ; помѣщены въ Соврем.
11. Украинскіе Дипломаты.	
12. Ярмарка.	
13. Фенюшка.	
14. Ганнуся (въ Телескопѣ), отпечатана особо.	
15. Герой очаковскихъ временъ (въ Современникѣ).	
16. Маргарита.	} Въ Москвит. переводѣ.
17. Оксана.	
18. Добрый Панъ (въ Кіевлянинѣ).	
19. Гаркуша (въ Соврем.)	
20. Козырь Дівка (перев. въ Современ., особо отпечатана.)	
21. Основаніе Харькова (на русскомъ языкѣ, въ Молод.)	
22. Двѣнадцатый годъ въ провинціи (въ От. Зап.)	
- В.) 1. Головатый (въ От. Зап.)
2. Городъ Харьковъ (въ Соврем.)
3. Листы до нашихъ землякивъ (особо отпеч.)

и сходство между состояніемъ своимъ и общенароднымъ чувствомъ; вмѣстѣ съ движеніями сердца, которыя принадлежать поэту, живо слились движенія, свойственныя всякому, кто будетъ въ состояніи ему сочувствовать. Оттого всякій—будь только у него хоть нѣсколько тѣхъ побужденій, которыя наполняютъ внутренній міръ Мало-россіянина—будетъ до того проникнутъ поэзією Шевченка, что забудетъ, чужое ли это, полученное извнѣ, или свое собственное, которое явилось въ области сердца съ незапамятнаго времени, такъ-какъ первыя идеи дѣтства. /Какъ, на-примѣръ, превосходно это описаніе:

---

4. О Слободскихъ Полкахъ (въ Соврем).

С.) 1. Панъ Халявскій (въ От. Зап).

2. Походженія П. Столбикова. 3 части.

D.) Драм. произведенія.

1. Дворянскіе Выборы. 2 части. Комедія.

2. Шельменко—волостной писарь. } Комедія.

3. Шельменко—деньщикъ.

4. Сватанье на Гончаровкѣ. Опера.

5. Щира Любовь. Драма.

6. Бой-жінка. Опера.

МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Готоронтъ.

Исторія харьковскаго театра.

Безсрочный.

Знахарь.

Мемуары Пампушкина.

Званые гости, и многія другія мелкія статьи, помещенныя въ прежнихъ періодическихъ изданіяхъ, въ Харьковѣ выходившихъ.

Бють пороги, місяць сходить,
Як и перше сходить —
Нема Січи, пропавъ и той,
Хто всѣмъ верховодивъ;
Нема Січи — очереты
У Дніпра пытають:
«Де-то наші діти ділись?
Де вони гуляють?»
Чайка скіглить, літаючи,
Мовъ за дітьми плаче,
Сонце гріє, вітеръ віє
На степі козачій.
На тій степі скрізь могили
Стоять, та сумують —
Пытаються у буйного:
«Де наші панують?
Де панують, бенкетують?
Де вы забарились? . . .
Верніться! — Дивіться,
Жита похилились, —
Де паслися ваші коні,
Де тирса шуміла,
Де кровъ Ляха, Татарина
Моремъ червоніла —
Верніться!» —

Языкъ Шевченка превосходень вездѣ; надобно только пожелать его сочиненіямъ большей художественности, недостатокъ этотъ видѣнь не въ Кобзарѣ, но въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ.

Основьяненко и Шевченко, безъ сомнѣнія, суть лучшіе малороссійскіе писатели; особенно отъ послѣдняго, при счастливомъ направленіи, можно ждать плодовъ достойныхъ;

но малороссійская литература всегда будетъ гордиться и

другими именами даровитыхъ писателей, каковы на-примѣръ: *Тополя, Могила* и др.

Чары г. Тополи, какъ всякое сочиненіе, выходящее изъ обыкновеннаго круга, испытали двѣ крайности въ сужденіяхъ нашихъ критиковъ. Полевой въ Б. для Ч. указывалъ на нихъ, какъ на необыкновенное, замѣчательное явленіе; другіе говорили, что въ Чарахъ нѣтъ здраваго смысла, ни тѣни народности. Читатель-Малороссіянинъ не увидитъ въ Чарахъ отпечатка творчества, но онъ все-таки прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ, прочтетъ не одинъ разъ, и всегда съ новымъ наслажденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы будете смотрѣть на Чары, какъ на нѣчто полное, оконченное, то онъ вамъ представится съ невыгодной стороны. Но сочинитель не заботился о цѣломъ, и самъ признался въ томъ: содержаніемъ своей пьесы взялъ онъ народную пѣсню *Не ходи, Грицю, на вечерниці*, но еслибъ онъ взялъ для этаго и другую пѣсню, Чары бъ все остались Чарами, нужнобы только измѣнить разговоры дѣйствующихъ лицъ. Онъ самъ ихъ называлъ *Чары или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ*—и далъ самое опредѣлительное названіе. Всѣ сцены чрезвычайно вѣрны, интересны сами-по-себѣ, всѣ представлены безъ малѣйшей претензіи на творчество. Г. Тополя изображаетъ, что видѣлъ, слышалъ, что умѣлъ подмѣтить. У него нѣтъ развитыхъ характеровъ, но, за то, каждое лицо является съ своимъ отпечаткомъ; по нѣкоторымъ чертамъ дѣйствующаго лица, вы можете представить себѣ въ воображеніи его пріемы, образъ выраженія, можете судить о его характерѣ. Въ Чарахъ нѣтъ единства и оконченности въ цѣломъ, но все окончено въ

сценахъ: каждая изъ нихъ представляетъ цѣлую, вѣрную картину. Возьмите для примѣра ту сцену, гдѣ дѣвочки спрятались за колодками, чтобъ подслушать разговоры своихъ любовниковъ. Какъ здѣсь все живо, какъ вѣрно списано! Возьмите хоть фантастическую сцену изъ народныхъ повѣрій: вы видите здѣсь всю народную фантазію, какъ она существуетъ. На-примѣръ, чортъ, начальникъ вѣдьмъ, изображенъ въ видѣ Жида, говорящаго по нольски: это въ самомъ дѣлѣ малороссійскій чортъ; понятіе о немъ вытекаетъ изъ исторіи и прежней жизни! Или хоть ту сцену въ шинку, гдѣ изображенъ разгулъ малороссійскій. Сочинитель ничего не утрировалъ, не идеализировалъ; онъ вамъ представляетъ эту сторону народнаго быта, какова она въ самомъ дѣлѣ, и между-тѣмъ какъ поэтически: дурная сторона не видна; хотя сцена списана прямо съ натуры. Это не идеалъ, котораго разсѣянные черты вы должны искать вездѣ: это простое описаніе того, что авторъ видѣлъ, и описаніе вѣрное, мастерское, а потому такъ и занимательно. Какъ безыскусственны у г. Тополи пѣсни, которыя поютъ его герои. Они льются непринужденно, безъ всякой натяжки, совсѣмъ не по-оперному, безъ всякой перемѣны и передѣлки со стороны автора, съ тою небрежностію, которая характеризуетъ дѣйствительность. Вы встрѣтите въ пѣсняхъ очень часто недомолвки, часто одна пѣсня сбивается на другую, иногда не доканчивается; но это-то и достоинство въ такомъ сочиненіи, какъ Чары, гдѣ авторъ хочетъ познакомить васъ съ дѣйствительностію. — Языкъ г. Тополи не можетъ даже назваться его языкомъ: это языкъ совершенно народный, чистый, простой, усяянный затѣй-

ливими пословицами и поговорками.... однимъ словомъ, если вы не знаете Малороссіи,—прочтите Чары — и вы уже познакомились съ извѣстными частями ея многосторонняго быта.

Думки и Пѣсни Амвросія Могилы есть собраніе оригинальныхъ стихотвореній и переводовъ, большею частію лирикоописательнаго рода. Поэтъ изливаетъ свои чувства, возбуждаемые въ слѣдствіе впечатлѣній малороссійскаго быта. Большая часть изъ его стихотвореній запечатлѣна истиннымъ дарованіемъ и отличается особенною художественностію. У Могилы нѣтъ того саморазвитія, какъ у Шевченка; онъ не создаетъ идеаловъ народной поэзіи, не выказываетъ чувствъ, которыя бы невольно лились изъ неведомаго источника: его чувство идетъ объ-руку съ мыслию; онъ изучилъ сокровищницу поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, сознающій свой предметъ. Могила по формѣ поэтъ лирическій, но субъективность въ немъ прорывается незамѣтно; вы узнаете его личность, когда будете проникнуты тѣмъ, что онъ вамъ объективно выражаетъ. Возьмите, на-примѣръ, первое его стихотвореніе *Бандура*:

Про гетьмана, чи про гайдамаку,
Дійдъ заспѣває, въ бандуру заграє, —
Плаче бандура, мовъ оживає,
Жаль візьме дитину, візьме и бурлаку.
Его бандура, схоче вінъ, завьє;
Его бандура й ворономъ закриє;
Мовъ та дитина, жалібно плаче....
Слѣзы польються серденько ные....

Собственные чувства поэта выказываются тогда уже, когда явленіе, пробудившее ихъ, овладѣетъ вами, и вы

сталкиваетесь съ его впечатлѣніями и признаете ихъ за свои. Онъ какъ будто не хочетъ высказать всего, что у него на душѣ, и дѣлится вмѣстѣ съ вами, не сознаваясь. Это достоинство истиннаго художника, и нельзя не видѣть здѣсь малороссійскаго характера. Кто слѣдилъ за Малороссіяниномъ въ минуты его сердечнаго восторга, въ тѣ минуты, когда онъ подымается изъ сферы обыкновенной жизни, — тотъ можетъ повѣрить, какъ скупо малороссійское сердце на дѣлежъ своихъ движеній съ другими; Малороссіянинъ захочетъ васъ напередъ увлечь, — вы невольно выскажетесь, а онъ въ глубинѣ души будетъ дѣлиться съ вами и все-таки покажетъ на лицѣ улыбку равнодушія. Характеръ стихотвореній Могилы отличается глубокою грустію и вѣрными изображеніями древняго быта. Онъ прекрасно понималъ поэзію степной козацкой жизни; у него козакъ вездѣ является существомъ высокимъ, но вмѣстѣ буйнымъ и дикимъ; сцена дѣйствія его покрыта туманомъ и слезами. Изъ лучшихъ его произведеній въ этомъ родѣ: *Чарка*, отличающаяся горькою пронию, *Козацья Смерть*, гдѣ представлена страшно-поэтическая картина смерти отца съ сыномъ, *Козакъ та Буря*, гдѣ поэтъ изображаетъ сходство человѣческой природы съ физическою, и *Смерть Бандуриста*, прекрасная по своимъ блестящимъ описаніямъ и звучнымъ стихамъ. Два стихотворенія *Старець* и *Дитина Сиротина* — изображенія другой стороны жизни малороссійской — горькаго сиротства, безнадежной грусти, мірскаго несчастія. Языкъ въ Думахъ и Пѣсняхъ правиленъ, благороденъ и особенно оригиналенъ. Стихи истинно малороссійскіе; Могила пишетъ болѣе силлабическимъ размѣромъ,

который иногда подходит подъ метрическій, часто перемѣняется въ одной и той же пѣснь: въ каждой мысли своя форма. Поэтъ не стѣсняетъ себя опредѣленною мѣрою, и оттого у него все такъ вольно и непринужденно, и мысль выражена вполне, и гармонія стиха соответствуетъ гармоніи чувства.

Въ 1833 году напечатаны были *Наській Украинскій Казки Запорозця Пськи Материнки*, маленькая книжечка, гдѣ помѣщены три малороссійскія сказки въ стихахъ: первая *Сопѣлка*, замѣчательная по своему поэтическому содержанию; вторая *про дурня та ёго коня*, общая всемъ славянскимъ племенамъ; третья *про Пвася та змѣю, та дочку їи Олену*, одна изъ любимыхъ Малороссіянами. Всѣ эти сказки достойны вниманія, и показываютъ въ авторѣ знатока малороссійской народности и языка.

Кромѣ означенныхъ нами писателей, изъ которыхъ почти каждый явился съ самобытнымъ дарованіемъ, есть еще и другіе, которыхъ сочиненія имѣютъ болѣе или менѣе относительную цѣну въ малороссійской литературѣ. Таковы: *Боровиковскій*—переводчикъ Мицкевича *Фариса* и сочинитель нѣсколькихъ балладъ; неизвѣстный авторъ *Маруси*, стихотворной повѣсти, изданной въ Одессѣ; *Стецько Шереперя*, написавшій оперу *Купала на Івана*, которая, не смотря на нѣкоторые недостатки, заключаетъ въ себѣ довольно вѣрныя изображенія народнаго быта; онъ же написалъ нѣсколько пѣсень и въ томъ числѣ извѣстную: *за Неманъ иду*; — *Петренко*, котораго лирическія стихотворенія проникнуты чувствомъ; *Корсунъ*, передавшій малороссійскими стихами любопытныя украинскія повѣрья; *Писаревскій*, сочинитель повѣсти *Стецько*, и *Ко-*

реницкий, явившійся въ свѣтъ съ названною имъ *сатиричкою* поэмою *Вечерницѣй*, которая, не смотря на легкой стихъ, исполнена мѣстами такихъ пошлостей, что, прочитавши ее, пожалѣешь невольно объ авторъ.

Доказательствомъ распространяющагося вкуса къ чтенію на малороссійскомъ языкѣ служатъ два сборника, вышедшіе въ прошломъ 1841-мъ году. Одинъ изъ нихъ изданъ въ Петербургѣ Гребенкою и наполненъ сочиненіями: Шевченка, Основьяненка, помѣстившаго тамъ свою прекрасную повѣсть *Оксана* и два малороссійскіе разсказа, Боровиковскаго, Писарева, Кулиша и другихъ. Самъ собиратель приложилъ къ нему прекрасное предисловіе *Такъ собі до земляківъ*, гдѣ изображены четыре времени года Малороссіи. Сборникъ называется *Ластівка*. Другой издалъ г. Кореунъ въ Харьковѣ изъ трудовъ здѣшнихъ писателей подъ названіемъ *Співъ*. Тамъ помѣщены: Переяславська Ничъ—трагедія, *Вечерницѣй*—Кореницкаго, Стецько Писарева и стихотворенія Петренки, Шерепери, самого издателя и другихъ.

Вотъ, кажется, все, на что можно обратить вниманіе въ малороссійской литературѣ, и едвали не все, что было писано на малороссійскомъ языкѣ въ Россіи (*).

Іеремія Галка.

1842. Харьковъ.

(*) За исключеніемъ сочиненій автора этой статьи: Сава Чалый, драматическія сцены; Переяславська Ничъ, трагедія; Украинскія баллады Вѣтка, собраніе стихотвореній. Многое кромѣ того пишется и остается непечатаннымъ. *Приблж. издателя.*